

Двое из Атлантиды

Лина Минская

Лина Минская

Двое из Атлантиды

<https://litres.ru/74671012>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец 1960-х годов. Время, когда Минск пах цветущими липами, девчонки крутили пышные «бабетты», а ключи от квартир безбоязненно оставляли под ковриком. Тот город наивных надежд и вечного солнца сегодня кажется затерянным миром настоящей ушедшей Атлантидой, где жизнь казалась бесконечной. Но у юности свои законы, и за порогом уютного дома уже зреет сюжет, готовый превратить чудесное лето в настоящий анекдот.

История о времени, куда больше не купить билет.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лина Минская

Двое из Атлантиды

Глава 1

Двое из Атлантиды

Глава 1. «Ласковый город, спасибо тебе...»

Конец 1960-х годов в Минске — это время, которое сегодня кажется не просто ушедшей эпохой, а каким-то особым, затерянным миром, Атлантидой. Город, восставший из пепла военной катастрофы, на мгновение замер в идеальной точке равновесия. Он уже стал довольно сытым, столичным и величественным, но ещё не успел превратиться в шумный бетонный мегаполис. Это был Минск пешеходов, открытых окон, наивных надежд и пронзительного солнца, которое, казалось, светило тогда круглый год.

В детстве мир виделся исключительно ярким и восторженным. До сих пор в памяти стоит тот самый роскошный, парадный гастроном с расписанными стенами и лепниной. Особенно рыбный отдел, куда мы с папой и мамой часто заходили за икрой — красной и чёрной, жирной осетриной и прочими разностями. Кажется мне, что огромную синюю банку чёрной икры я держал в руках последний раз классе в девятом. Однако уже ко времени моего чудесатого студен-

чества вся эта гастрономическая красота осталась только на картинках в «Книге о вкусной и здоровой пище», которая имелась в любом приличном доме.

Но самым удивительным чудом минского лета были настоящие пальмы! Каждую весну труженики Ботанического сада творили этот сюр наяву: они привозили на площадь Ленина к Дому правительства, на площадь Якуба Коласа и на площадку у Главпочтамта деревянные кадки с шикарными веерными пальмами. На фоне торжественного советского ампира эта экзотика смотрелась ошеломляюще. Картину оживляли редкие, сверкающие хромом «Волги» ГАЗ-21, горбатые «Запорожцы» и круглые игрушечные автобусы ЗИЛ с четырёхстворчатыми дверями-«гармошками», которые открывались наружу и нещадно пачкали зазевавшихся пассажиров.

Ленинский проспект в те годы — не просто главная улица, это был местный «Бродвей», или просто «Брод». Минск тогда дышал и пах совершенно иначе. В июне, когда вдоль тротуаров зацветали огромные, пушистые липы, над всем центром стоял густой, почти осязаемый сладкий аромат. Этот запах липового цвета, смешанный со шлейфом свежего асфальта, который по утрам лениво мыли пузатые поливальные машины, остался в памяти навсегда. Уже в студенчестве, когда я пропускал последний автобус, загуляв допоздна, на такой «поливачке» можно было благополучно доехать до дома.

По «Броду» фланировала стильная публика. Минские девушки смело примерили мини-юбки. Они крутили пышные начёсы-«бабетты», как у Брижит Бардо, густо подводили глаза стрелками, стучали каблучками-рюмочками по асфальту и пахли дефицитными духами «Красный мак» или «Быть может». Парни от них не отставали: носили узкие галстуки-«селёдки» и рубашки из трескучего нейлона, которые нещадно били током и ставили дыбом отороченные волосы. Модники искрились любовью и статическим напряжением!

Над всем этим парадом, на самых оживлённых перекрёстках, возвышались знаменитые милицейские будки-«стаканы». Внутри сидел регулировщик в безупречном белоснежном летнем кителе и фуражке. Он крутил ручку пульта, вручную переключая светофоры и бдительно поглядывая сверху на разношёрстную публику.

Жизнь была проста, понятна и наэлектризована предчувствием чего-то грандиозного. Молодёжь собиралась у филармонии на «Пятачке», чтобы раздобыть записанный «на костях» рок-н-ролл, тусовалась на широких гранитных ступенях Дворца профсоюзов, бегала в «Неман» — который в народе за специфическую публику и вечный дым коромыслом метко прозвали «Помойкой», где по вечерам гремел живой джаз, а кофе наливали из огромных титанов. Зайти туда «приличному гражданину» считалось просто верхом падения! В бистро «Минутка», отстояв огромную очередь, можно было взять за копейки горячий бульон в гранёных стака-

нах с хрустящими гренками.

Это было время, когда люди ещё не запирались за железными дверями. По вечерам из окон доносились звуки радиоприёмников, соседи знали друг друга по именам, а ключи безбоязненно оставляли под ковриком. Была во всём этом какая-то удивительная, чистая полнота бытия.

Именно в эту декорацию эпохи идеальной романтики однажды летом и ворвался сюжет, достойный хорошей трагикомедии. А началась эта история чуть раньше и совсем в другом месте — на окраине Вильнюса...

Глава 2. Прибалтийская гастроль

Восьмой класс остался позади. Беспощадные родители решились вырвать меня из пьянящей атмосферы Минска, отправив на летние каникулы «воспитываться трудом» к любящей родне, живущей на окраине Вильнюса. Окончательный вердикт вынесен, и билет за два с копейками рубля уже зажат в моём кулаке.

Путешествие начиналось на старом вокзале Минск-Пассажирский. В те годы это был гудящий улей, пахнущий тяжёлым мазутом, угольным дымом от титанов, дешёвым табаком и пирожками с ливером по четыре копейки. На перроне — суета: проводники в строгой тёмно-синей форме, отпускиники с чемоданами, перевязанными бечёвкой, и бабки с огромными узлами.

И вот дизель уже начинает набирать ход, оставляя позади вокзальные часы и водонапорные башни. Я, естественно, за-

нимаю место у окна.

Первая большая остановка — Молодечно. Потом Сморгонь и Ошмяны. Вагон живёт своей полноценной жизнью. Мужики в майках-алкоголичках режутся в «дурака» на ободранных чемоданах, кто-то разворачивает посиневшую курицу и варёные яйца на газетке, а по проходу то и дело ходит разносчик с тяжёлым лотком, выкрикивая: «Лимонад! Ситро! Коржики!»

Гудогай — последняя станция на белорусской земле. Поезд стоит всего пару минут. Машинист даёт короткий гудок, и дизель пересекает невидимую границу между республиками. Пейзаж за окном меняется мгновенно. Появляются аккуратные хутора с красной глиняной черепицей вместо привычного серого шифера.

Через три с половиной часа дизель-поезд замедляет ход и плавно вкатывается под ажурные своды перрона Вильнюсского вокзала. Двери открываются, и я выхожу совершенно в другой мир. Здесь даже воздух кажется иным — он пахнет крепким кофе, который в Литве умеют варить на каждом углу, и свежей выпечкой. Кругом звучит непонятная, певучая речь. Я поправляю кепку, хватаю свой чемоданчик и иду сквозь толпу навстречу родственникам...

Дом дяди Вити поражал с первого взгляда. По меркам конца шестидесятых это был не просто частный дом, а настоящий дворец. Дядя Витя, прямо скажем, любил и умел жить красиво. Внутри царило безграничное литовское радушие.

Родня истосковалась по минским новостям, расспросам не было конца, а стол буквально ломился от угощений. Меня, по мнению тётушки, ужасающе оголодавшего за три часа дороги, кормили на убой: сочный домашний окорок, знаменитый литовский сыр с тмином, горячая картошка прямо из печи и огромные кружки парного молока. Дядя и тётушка трудились в «придворном» совхозе, который занимался снабжением партийных деятелей, и особо ни в чём себе не отказывали.

Наконец все расспросы были окончены, последние столичные сплетни пересказаны, а бесконечные добавки съедены, и меня отправили спать в отведённую на втором этаже комнату — с пуховой периной и распахнутым в ночной сад окном. Наступила томная прибалтийская тишина. Я лежал, глядя в незнакомый потолок, чувствуя себя абсолютно взрослым, самостоятельным человеком на пороге больших летних приключений. Мама и папа в Минске тоже засыпали с лёгким сердцем.

Но ночной покой взорвался внезапно. В дверном проёме, словно злой гений, возник двоюродный брат Юзик, до этого момента тихонько отсиживавшийся в тени повествования. Мефистофельски блеснув глазами, он прошипел:
— В клубе танцы. Погнали...

Вот сейчас, спустя столько лет, скажите мне — зачем нужно было строить «египетскую пирамиду» из рядовой прогулки? Какой в этом был сакральный смысл? Ведь была возмож-

ность чинно сойти по добротной деревянной лестнице, объявить, что два примерных молодых человека безумно хотят танцевать, пообещать вернуться, как Золушка, ровно в полночь и благовоспитанно воспользоваться парадной дверью. Но мы пошли другим путём. Возраст требовал заговора, риска и спецэффектов!

Поэтому Юзик, как истинный организатор побега, притащил откуда-то из закровов великого хозяйства дяди Вити толстую верёвку и безапелляционно предложил драпать через окно. Ну да, а как ещё? Конечно, только через окно! По сомнительной верёвке. Со второго этажа. Ночью. Приключение обещало быть захватывающим, кинематографичным и полным адреналина.

Правда, закончилось оно практически на «раз-два».

Юзик, на правах принимающей стороны и вежливого хозяина, галантно пропустил меня вперёд. Я перемахнул через подоконник, предвкушая эффектное скольжение супергероя... и в ту же секунду, изобразив Карлсона, у которого внезапно заглох пропеллер — полетел камнем вниз. Чёртова верёвка лопнула с сухим, презрительным треском, совершенно не считаясь ни с законами литовского гостеприимства, ни с моими грандиозными планами на лето.

Земля встретила меня жёстко... А где-то в вышине на фоне звёздного неба тоскливо поскуливал одинокий Юзик...

Знакомство с больницей Вильнюса подарило мне по прекрасному белоснежному гипсу на каждую из имеющихся у

меня в наличии рук. Когда через пару дней за мной приехали родители, то я, по правде говоря, сильно побаивался за целостность своих ног и особенно той части, где они соединяются с остальным организмом. Очень тревожилось и само филейное место, предчувствуя скорую отцовскую расправу! Но обошлось.

Глава 3. Зигзаг удачи

Как говорится, «были сборы недолги», и, получив массу незабываемых впечатлений, папино и мамино сокровище поехало обратно в Минск.

Оказавшись в исходной точке, я обнаружил, что почти всех братьев по разуму удачливым родителям удалось куда-то пристроить на лето. Но я не сдался и начал искать компанию! На ум пришло посещение давнего приятеля Рябы.

На звонок в многообещающую дверь по улице Белорусской вышла тётя Маша. Увидев меня, она стала тихо пытаться упасть в обморок... Я ещё подумал: «Надо же, какая у неё тонкая душевная организация!». Но тётя Маша быстро взяла себя в руки и крикнула вглубь квартиры:

— Идиот, иди, к тебе калека... коллега пришёл!

Из темноты коридора появился «идиот». Две руки его были закованы в такой же прекрасный, ещё довольно чистенький гипс!

Вот и встретились любитель прибалтийских танцев и знатный минский футболист — зигзаг удачи...

Таким успехом на «Бродвее» у дам самого разного возрас-

та, как в тот день, мы больше не пользовались никогда в жизни. Два «юноши бледных» с четырьмя загипсованными руками, зафиксированными так, как будто мы собрались проголосовать «за», но всё же сомневаемся, производили на минчанок неизгладимое впечатление. Одна прелестница, пролетая мимо, обернулась и заливисто засмеялась:

— Смотрите, два дурня загипсовались и вышли на Брод повыпендриваться!

Ну да, разве мог кто-то поверить, что это не коварный план соблазнения, рассчитанный на женское сострадательное сердце, а всего лишь превратность судьбы...

Сегодня от того Минска остались лишь старые чёрно-белые снимки. Давно исчезли милицейские «стаканы», не вывозят на проспект кадки с пальмами, и другие люди спешат по своим делам, уткнувшись в экраны телефонов. Но стоит закрыть глаза — и снова слышен этот стук каблучков, снова пахнет цветущей липой, и солнце конца шестидесятых слепит глаза, напоминая о времени, когда мы были отчаянны и бесконечно счастливы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.